

Однако Жун Цзянь вчера обошёлся без посторонней помощи, чётко обдумал свои действия, учитывая своё положение и ситуацию, и, глубоко понимая отношения между вдовствующей императрицей и императором, совершил такой смелый поступок.

Ци Цзэцин в ту же ночь навестил своего учителя Чэн Чжили, считая, что принцесса Жун Цзянь — человек с большим потенциалом.

Чэн Чжили не ответил ему, лишь сказал, что считает этот поступок достойным перед лицом всего народа, и не стал его упрекать.

Он смотрел на хрупкую и нежную принцессу, поглаживая чернильные пятна на руках, и с неподобающей грустью произнёс:

— Если бы в год смерти покойного императора вы были бы чуть старше, всё могло бы сложиться иначе.

Если бы Жун Цзянь в то время был в глазах всех мальчиком, то даже если бы он только что родился, его бы непременно возвели на престол, и Фэй Цзиньни, даже имея дурные намерения, мог бы действовать только тайно, но никак не стал бы императором-регентом. Но он был «девочкой», и это было хуже, ведь это противоречило традициям предков. Однако если бы он был чуть старше, более опытным, проявил бы талант и харизму, препятствий было бы меньше, и, возможно, его бы действительно возвели на престол.

Жун Цзянь подпер подбородок рукой:

— Будь я старше, это не обязательно было бы к лучшему.

Ци Цзэцин спросил:

— Почему вы так считаете, Ваше Высочество?

Возможно, Жун Цзянь никогда не хотел оставаться во дворце, не интересовался вопросами наследования престола, и потому легко мог говорить об этом со стороны, как посторонний.

Он был человеком науки, его знания истории ограничены, но он знал, что если в династии часто восходят на престол малолетние правители, это верный признак приближающегося краха.

Жун Цзянь равнодушно сказал:

— Даже если бы я взошёл на престол, мне бы было не больше десяти лет, и кто-то должен был бы управлять за меня. Была бы это вдовствующая императрица или нынешний император? Даже если бы это был кто-то более добродетельный. Но власть — страшная вещь. Страшна она тем, что, однажды попробовав её, трудно отпустить, а регент однажды потерял бы эту высшую власть. Даже самый добродетельный человек может отказаться раз или два, но каждый день, каждую ночь, постоянно отвергать бесчисленные соблазны — это слишком сложно, даже святые с трудом справляются.

Он хлопнул в ладоши, соединив их, а затем быстро развёл:

— Когда регент и выросший малолетний правитель разойдутся, это, скорее всего, будет некрасиво.

Ци Цзэцин на мгновение потерял дар речи.

Жун Цзянь продолжал, будто бы невзначай:

— А ещё дети действительно легко умирают. В древности... в общем, если вдруг что-то случится, это снова вызовет потрясения.

Ци Цзэцин задумался:

— Ваше Высочество, вы хотите сказать... что не хотите, чтобы ваш ребёнок в будущем стал малолетним правителем?

Жун Цзянь словно очнулся, наконец осознав, что они всё ещё обсуждают эту грязную историю с дворцом Тайпин, и неловко улыбнулся:

— Учитель слишком много думает, до этого ещё далеко.

У него попросту не было такой возможности, и учителю Ци не стоило торопиться с этим. Через несколько лет Мин Е объединит страну, взойдёт на престол и станет известным императором, справедливым, трудолюбивым, не стремящимся к удовольствиям, с выдающимися заслугами, который приведёт страну к процветанию, и все страны будут приносить ему дань.

Жун Цзянь и не подозревал, что его случайно сказанная теория о малолетних правителях впервые заставит Ци Цзэцина изменить своё мнение.

— Раз принцесса уже выросла, обладает мягким и добрым характером, умна, почему бы не обучать её как наследника престола, вместо того чтобы рожать малолетнего правителя, который может легко умереть?

*

После этого спора с учителем Ци Жун Цзянь не придавал этому значения и никому об этом не рассказал.

Вернувшись, он спросил, как поживает та служанка, которую он привёз с собой. Сы Фу ответил, что она долго стояла на коленях, погода была холодная, с коленями всё в порядке, только остались синяки, но она простудилась, у неё жар, врач выписал лекарства, и она сейчас отдыхает в боковом дворе, чтобы, когда поправится, прийти и поблагодарить. Жун Цзянь велел Сы Фу найти служанку, чтобы хорошо за ней ухаживать, и обо всём позаботиться после её выздоровления.

В последующие дни всё шло как обычно, только Жун Цзянь чувствовал, что учитель Ци становится всё строже, просто страшно, как учитель в выпускном классе, требующий, чтобы он знал всё, будто скоро экзамены.

А на самом деле уровень Жун Цзяня был ниже, чем у древнего школьника.

В день уроков верховой езды и стрельбы Жун Цзянь снова получил выходной. Учителя в кабинете, видимо, считали, что верховая езда для него всё ещё опасна, и если кто-то ещё раз захочет подстроить что-то против принцессы, оружие будет под рукой. К тому же, после недавнего происшествия это было не к добру, и они решили снова отложить уроки верховой езды для Жун Цзяня.

Жун Цзянь даже немного сожалел об этом, по дороге с Мин Е в павильон в центре озера он бормотал:

— Мне всё-таки хотелось бы покататься на той специально выбранной лошадке.

Мин Е держал в руках книгу:

— Когда Ваше Высочество хорошо выучит уроки, тогда и привезут ту лошадь.

Жун Цзянь в отчаянии сказал:

— Почему все только и делают, что уговаривают меня учиться?

Мин Е открыл замок на внешнем окне, отодвинул его и впустил Жун Цзяня внутрь. По сравнению с первым визитом, павильон в центре озера стал гораздо более обжитым, с множеством мелких вещей, которые остались после частых посещений Жун Цзяня.

Чайные чашки, письменные принадлежности, новые лампы.

Мин Е положил книгу, сел напротив, открыл её и начал просматривать пометки, которые Жун Цзянь оставил за последние дни.

Жун Цзянь действительно многого не понимал.

Мин Е понемногу объяснял ему, и он примерно догадывался, что Жун Цзянь долго учился, но изучал что-то совсем другое.

Где это вообще не изучают классические труды? Однако они — Мин Е и Жун Цзянь — используют похожие иероглифы, и, судя по случайным следам, которые оставлял Жун Цзянь, раньше он использовал более упрощённые иероглифы. Но Жун Цзянь не был совсем невежественным, у него были базовые знания.

Мин Е перебрал эти мысли в голове, аккуратно их упорядочил и продолжил объяснять, не подавая виду.

Жун Цзянь слушал очень внимательно, усердно записывая.

Но он всё-таки не был человеком из древности, не так хорошо владел кистью, к тому же быстро уставал, менял позу, и, поскольку кисть — это не современная ручка, чернила случайно брызнули ему на лицо.

Жун Цзянь почувствовал лёгкий холодок на щеке и хотел вытереть его рукой, но Мин Е остановил его.

Мин Е сказал:

— Ваше Высочество, не двигайтесь.

Рука Жун Цзяня замерла в воздухе, медленно опустилась, и он недоуменно спросил:

— Что случилось?

Мин Е достал платок, смочил его чаем и аккуратно вытер лицо Жун Цзяня.

Жун Цзянь опустил глаза, увидев, как рука Мин Е держит старый платок, касается его лица, движения очень лёгкие, он мог разглядеть лишь смутные очертания.

Мин Е убрал руку, держа платок, и поднёс его к глазам Жун Цзяня.

Жун Цзянь: «...»

Огромное чёрное пятно чернил — это он случайно поставил?

Трудно представить, на какие глупости способен человек в муках учёбы.

Видимо, чтобы сменить тему, Жун Цзянь сжал губы и равнодушно сказал:

— Этот платок такой старый, в прошлый раз он был пропитан кровью, почему ты его ещё не поменял?

Мин Е опустил глаза, взгляд его был рассеянным, и он спросил несерьёзно:

— Ваше Высочество, вас смущает, что он старый?

Жун Цзянь поднял бровь: как это он ещё и обвиняет его?

— Нет, просто мне любопытно.

Мин Е развернул ладонь, и платок лежал на ней. Этот платок действительно был очень старым, видно, что его использовали много раз, стирали бесчисленное количество раз, и даже цвет вышивки давно исчез.

Он легко сказал:

— Нет необходимости.

Помолчав, увидев недоумение на лице Жун Цзяня, он спокойно объяснил:

— Когда я был маленьким, моя семья была бедной, и я хотел заработать немного денег. Поскольку нитки были доступны, я вырезал кусок ткани и решил попробовать.

У Жун Цзяня были глаза, которые легко читались. По сравнению с их первой встречей, его актёрское мастерство значительно улучшилось, перед посторонними он казался спокойным и пронизательным.

Но он должен был опускать глаза, чтобы не показывать свои слабости.

А в этот момент Жун Цзянь смотрел на Мин Е, не отрываясь, и Мин Е так легко мог понять, о чём он думает.

Жун Цзянь грустил за него.

Мин Е видел это, но не понимал его грусти, и продолжал:

— Но результат был таков, я понял, что у меня нет таланта, и больше не пробовал.

На самом деле отсутствие таланта было лишь незначительной причиной. В столь юном возрасте Мин Е понял, что даже если он вышьет что-то лучшее, вложит больше усилий, это

лишь сделает его вышивальщиком, который всю жизнь будет занят этим делом, и это не стоит того.

<http://bllate.org/book/16310/1471617>